

Вильде Николай Евстафьевич (Густавович) (1832—1896) — русский актёр и драматург.
(настоящее имя – Карл Густавович фон Вильденау)

Учился в Санкт-Петербургском университете (1841-1851). Летом 1858 владелец и директор Нижегородского театра. С 1859 играл на провинциальной сцене, в 1863-88 ведущий актёр Малого театра. Исполнял амплуа «драматических любовников», позднее — характерные и «резонёров».

Н.Е. Вильде руководил драматическим классом музыкально-драматического училища Московской филармонического общества; написал несколько драматических произведений: «Женихи, или Седина в бороде, а бес в ребро», «Из сострадания» (1858), «Молодёжь» (1865), «В глуши» (1866), «Куколка» (1871), «Преступница» (1882), «В поместье госпожи Поводаевой» (1885), «Изабелла Кастильская», «Арахнея», «Званный вечер с итальянцами» и др. В мемуарах «Из моих записок» («Московский листок», 1888—1889) создал портреты актёров В. И. Живокини, Н. Х. Рыбакова, П. М. Садовского, С. В. Шумского. Вильде принадлежат также тексты романсов М. А. Балакирева «Когда беззаботно, дитя, ты резвишься...» и «Рыцарь» (оба — 1859).

Был управляющим драматической частью Артистического кружка (1867—1869, 1875—1877).

В последние годы жизни Вильде страдал тяжёлым душевным заболеванием.

Сын — Николай Николаевич Вильде (? - 16 ноября 1918, Москва).

ЖЕНИХИ,

ИЛИ

СДИНА ВЪ БОРОДУ, А БѢСЪ ВЪ РЕБРО.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ОДИНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

К. ВИЛЬДЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧЪ ЩЕПЕНСКІЙ.

КАТЕНЬКА, его дочь.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ТОЛБИНЪ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ МУШИГЪ, помощникъ и старый другъ Щепенскаго.
СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, у Щепенскаго.

Хорошо убранная комната; слышны звуки фортепьяно и пенье.

I.

ЩЕПЕНСКИЙ, одинъ (*въ креслахъ, съ газетой въ рукахъ*). Bravo, Алексѣй Степанычъ! bravo, богатѣйшій теноръ! чортъ бы тебя п съ твоимъ теноромъ, удивительно! непостижимо! просто безсовѣстно! (*вскакиваетъ*). Спрашивается, что онъ хочетъ? Какая цель его посыщеній? непонятно! Молодой человекъ, пріятной наружности, имѣніе въ 500 душъ,—прекрасное имѣніе въ Тамбовской губерніи, лѣсу много и рѣка,—приходить ежедневно, иногда два раза въ день придетъ,—ухаживаетъ за Катенькой—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—таетъ, вздыхаетъ, поетъ чувствительные романсы—надо замѣтить: голосъ очень пріятный, итальянская метода и фальцетъ самый нежный; да что фальцетъ—поведеніе самое фальшивое: полгода тянетъ насъ за душу, а толку все нѣтъ. Наконецъ, что же изъ этого выйдетъ? отцу надо подумать: пойдутъ, пожалуй, еще сѣлетни... А что тутъ прикажете дѣлать? на что рѣшиться? отказать Алексѣю Степановичу отъ дому—не хочется; все-таки надѣвешся, авось сдѣлаетъ предложеніе... надежда всегда поддерживаетъ человека до самой гробовой доски. На счетъ этого даже стихи есть... Мученье! адское мученье! ночи не сплю напролетъ, все думаю... изобрѣтаю всякія хитрости, чтобъ его, того, подтолкнуть немножко, да путнаго ничего не придумаешь... Шшъ! кажется, они идутъ сюда; улепетну поскорѣе... быть можетъ, поговорятъ, полюбезничаютъ и поладятъ! кто знаетъ? Это вообще часто бываетъ въ жизни: когда меньше всего ожидаешь, тутъ-то фортуна и подъѣдетъ на золотой колесницѣ. (*Уходитъ на цыпочкахъ*).

II.

КАТЕНЬКА и ТОЛЫНЪ входятъ съ лѣвой стороны.

Толынь. Не правдали, сколько чувства въ этомъ романсѣ?.. какая свѣжесть мотива! и какъ вы прекрасно акомпанируете, Катерина Николаевна.

КАТЕНЬКА. Благодарю за комплиментъ; а вы очень мило поете—мы съ вами квиты.

ТОЛЕНЬКЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь... я очень люблю когда вы въ хорошемъ расположеніи духа... (*смотритъ на часы*) Ахъ, Боже мой! я и не зналъ, что такъ поздно... а мнѣ давно пора... До свиданія, Катерина Николаевна... Вы не сердитесь на меня, что я такъ засидѣлся?

КАТЕНЬКА. Напротивъ; я даже хочу удержать васъ... куда вы такъ спѣшите? останьтесь, посидите; вы видите я одна: мнѣ будетъ скучно.

ТОЛЕНЬКЪ. Если вы думаете, что моя бесѣда можетъ разогнать вашу скуку, то я долженъ предупредить васъ, что вы очень ошибаетесь... мнѣ самому грустно! страшно грустно! (*кладетъ шляпу*).

КАТЕНЬКА. Что это съ вами? полноте, Алексѣй Степанычъ! какъ вамъ не стыдно грустить? какая у васъ можетъ быть причина?

ТОЛЕНЬКЪ. Ахъ! эту причину вы хорошо знаете, Катерина Николаевна... посудите сами: каждый день моей жизни раздѣляется на двѣ половины.

КАТЕНЬКА. На утро и вечеръ — это очень понятно, а главное очень ново.

ТОЛЕНЬКЪ. Вамъ все смѣшно! нѣтъ! я дѣлю его иначе: время, которое я провожу у васъ, съ вами, Катерина Николаевна—это радостная половина; остальные часы для меня: грусть, хандра, сплинъ, уныніе,—все, что вамъ угодно, словомъ, это другая, скучная часть моего дня.

КАТЕНЬКА. Вы очень любезны; но позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что все это ни больше ни меньше, какъ сотое повтореніе вашего признанія? Вы меня любите—положимъ... но я все-таки не могу понять, почему вамъ грустно теперь, въ эту минуту, когда вы со мной?

ТОЛЕНЬКЪ. Ахъ, Боже мой! очень просто, потому-что я предвижу, что черезъ десять минутъ надо будетъ окончательно взять шляпу и отправиться домой, въ эту одинокую, безпорядочную, закурениую квартиру холостяка,—гдѣ все пусто, мертво! Ахъ, Катерина Николаевна! если бы вы знали: дома, когда я одинъ, я только вполнѣ чувствую, какъ сильно люблю васъ!

КАТЕНЬКА. Да, я могу себя представить, какъ вы вспоминаете обо мнѣ, съ трубкой въ рукѣ и съ бумагой передъ глазами... Я знаю, что вы любите мечтать! для васъ, кажется, счастье въ воображеніи лучше счастья въ дѣйствительности. Не правда-ли?

Толбѣнъ. Нѣтъ, я этого не скажу, но по-моему—нечего торопиться.

Катенька. Хотите, я вамъ скажу правду, Алексѣй Степановичъ?

Толбѣнъ. Сдѣлайте милость.

Катенька. Вы никогда не будете счастливы, потому, что у васъ нѣтъ характера, потому, что вы сами не знаете, чего хотите.

Толбѣнъ. Не спорю; вы совершенно правы; но что же прикажете дѣлать? Я человекъ неръшительный; маменька тоже всегда пишетъ мнѣ изъ деревни, что я мокрая курица и старая баба. Но вѣдь судите сами: себя не перемънишь. У меня всегда такъ... въ моей жизни сколько было случаевъ: люблю, люблю страстно, пламенно, безумно, а дойдетъ дѣло до..... ну, и не могу!

Катенька. Да, что же васъ пугаетъ? развѣ такъ страшно...

Толбѣнъ. Жениться?! такъ страшно, что я и подумать боюсь... только скажутъ: женись, меня точно кипяткомъ обварить... но, ради Бога, Катерина Николаевна, не сердитесь на меня.

Катенька (съ досадою). Напротивъ, очень вамъ благодарна за откровенность. Значить, между нами все кончено?

Толбѣнъ. О, нѣтъ! нѣтъ! даю вамъ честное слово, что рѣшусь, рѣшусь непременно; но теперь, въ настоящее время не могу... рано еще... мнѣ всего 27 лѣтъ... черезъ годъ или полтора—извольте!

Катенька. Мнѣ кажется, вы сходите съ ума, Алексѣй Степановичъ! ужъ не думаете ли вы, что я умру безъ васъ... Вы меня смѣшите!.. «Извольте», какъ будто я его упрасиваю! Скажите, пожалуйста!

Толбѣнъ. Ну, вотъ вы и разсердились! Боже мой! да, что вамъ стоитъ подождать годъ или два... мы оба молоды... узнаемъ другъ друга покороче, а счастье отъ насъ не уйдетъ.

Катенька. Нѣтъ, ошибаетесь: уйдетъ? я полюблю другаго и выйду замужъ... вотъ увидите... Я вамъ докажу.

Толбѣнъ. Вы меня только страшаете, Катерина Николаевна.

Катенька. У васъ презабавное самолюбіе, но признаюсь вамъ, оно начинаетъ меня бѣсить.

Толбѣнъ (беретъ шляпу). Посердитесь и перестанете; я приду попозже, если позволите.

Катенька. Хоть вовсе не приходите, мнѣ это рѣшительно все равно.

Толбѣнъ. До свиданія, Катерина Николаевна! дайте ручку.

КАТЕНЬКА. Ступайте, и не приходите, трусь, безхарактерное существо!

ТОЛБИНЪ (*цѣлуетъ ея руку*). Мокрая курица и проч., и проч.; Перестаньте же, не сердитесь... я рѣшусь, можетъ быть, и скоро... вѣдь стоитъ только собраться съ силами, переговорить съ Николаемъ Антонычемъ, а тамъ и дѣло въ шляпѣ.

КАТЕНЬКА. Отчего-же вы не хотите сдѣлать это сейчасъ.

ТОЛБИНЪ. Сейчасъ? Теперь? просить вашей руки? помилуйте, что вы! какъ можно такъ скоро! бухъ да и въ воду... надо прежде обдумать... дайте сроку.

КАТЕНЬКА. Нечего сказать, хороша ваша любовь! будьте здоровы, пламенный обожатель. (*Садится и беретъ журналъ*).

ТОЛБИНЪ. Надѣюсь еще имѣть удовольствіе васъ видѣть сегодня. (*Уходитъ*).

III.

КАТЕНЬКА, (*одна, бросаетъ книгу и вскакиваетъ со стула*). Пустой мальчишка! рано... не могу... надо подумать... и это мужчина!.. а между тѣмъ я все-таки люблю его... И чего онъ боится, желала бы я знать? отказа? конечно, нѣтъ! напишка только и думаетъ, какъ бы поскорѣе это устроить; въ моемъ согласіи онъ давно увѣренъ, даже слишкомъ увѣренъ... Неужели онъ смѣется надо мной? нѣтъ! нѣтъ! я его знаю! онъ странный, нерѣшительный, но у него доброе, благородное сердце... онъ меня любитъ!.. если бъ я могла только придумать.

ЩЕПЕНСКІЙ (*выглядывая изъ дверей, шопотомъ*). Что, ушелъ?

КАТЕНЬКА. Ушелъ... войдите... къ чему такая таинственность, папаша?

ЩЕПЕНСКІЙ (*входя*). Ничего не сказалъ?

КАТЕНЬКА. Все тѣже фразы!

IV.

КАТЕНЬКА и ЩЕПЕНСКІЙ.

ЩЕПЕНСКІЙ. Дрянъ, и больше ничего!.. Да что съ нимъ воду толочь! я напрямки скажу ему: Милостивый государь! Вы любите мою дочь и она васъ любитъ; но вы, по характеру своему, не сумѣете составить свое собственное счастье, а потому я предупреждаю ваше желаніе и объявляю вамъ, что согласенъ выдать за васъ мою Катю... будьте счастливы! Затѣмъ торжественное благословеніе, слезы умпленія, всеобщее поздравленіе и дѣло съ концомъ, тогда ужъ онъ назадъ не попятится.

КАТЕНЬКА (*съ испугомъ*). Что вы, что вы это, папаша! какъ можно!.. вы не знаете, что онъ сдѣлаетъ!

ЩЕПЕНСКИЙ. А что такое онъ сдѣлаетъ?

КАТЕНЬКА. Онъ перестанетъ ходить къ намъ!.. вотъ и все.

ЩЕПЕНСКИЙ. Велика бѣда! перестанетъ ходить! и прекрасно! плакать не будемъ! я тебѣ говорю, Катенька, ты дура, ничего не понимаешь! а изъ этого такой выйдетъ скандалъ, что Боже упаси!

КАТЕНЬКА. Ахъ! еслибъ вы только захотѣли, папаша, мнѣ пришла въ голову гениальная мысль... Но вы не согласитесь на эту комедію.

ЩЕПЕНСКИЙ. Говори... я самъ только и думаю, какъ бы этакъ... ну, что у тебя тамъ за комедія въ головѣ? ты, вѣрно, нашла средство дать толчокъ нерышительной натурѣ?

КАТЕНЬКА. Да, папаша! и какое вѣрное средство! если вы только согласитесь, я ручаюсь вамъ, что Алексѣй Степанычъ сегодня же сдѣлаетъ предложеніе форменное, окончательное, такъ, какъ слѣдуетъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Мудрено! а впрочемъ, послушаемъ. Я готовъ на какую угодно комедію, чтобъ избавиться отъ этого безпокойства, отъ этого вѣчнаго ожиданія. Ты должна выйти замужъ... во что-бы то ни стало, это твое назначеніе: женщины на то сотворены, чтобъ быть супругой и матерью.

КАТЕНЬКА. Слушайте же, папаша. Вотъ мой планъ: чтобъ побѣдить нерышительность Алексѣя Степаныча, надо, во-первыхъ, возбудить его ревность, во-вторыхъ, внушить ему опасеніе, что онъ легко можетъ потерять мою руку, если не ухватится за нее тотчасъ же; не правда ли?

ЩЕПЕНСКИЙ. Правда, правда... Удивительное соображеніе! Какъ рассуждаетъ? По пунктамъ, чортъ возьми!..

КАТЕНЬКА. Слушайте дальше, папаша. Для этого намъ необходимо имѣть третье лицо, то-есть женщю, за котораго будто бы вы непременно хотите выдать меня, понимаете?

ЩЕПЕНСКИЙ. Ну, ужъ тутъ я ничего не понимаю.

КАТЕНЬКА. Ахъ, вѣдь это такъ ясно! если вы скажете Алексѣю Степанычу, что у меня есть женщю, если онъ увидитъ меня съ нимъ—ревность заговоритъ, сонная любовь прѣснется, вспыхнетъ и тогда онъ объяснится.

ЩЕПЕНСКИЙ. Каково придумала?! что за необыкновенный умъ! Поцѣлуй меня, Катя! но знаешь что? хорошо ли это будетъ, пускаться на такія хитрости?

БАТЕНЬКА. Это такъ невинно, папаша; къ тому же я увѣрена, что Алексѣй Степанычъ не будетъ сердиться, если все узнаетъ. Я сама ему все открою. Добрый, милый папочка! Скажите, что вы согласны.

ЩЕПЕНСКИЙ. Оно, быть можетъ, не совсѣмъ ловко; ну да впрочемъ, правда, это для его же счастья... такъ и быть, предложеніе принято! но позволь, душечка... не радуйся... у насъ за малымъ остановка! нѣтъ никого, кому бы можно поручить роль твоего поддельнаго жениха.

БАТЕНЬКА (*грустно*). И въ самомъ дѣль! я объ этомъ и не подумала! Что же дѣлать, папаша, гдѣ найти его? Боже мой! какое несчастіе!

ЩЕПЕНСКИЙ. Экая досада! въ самомъ дѣль жалко! Это часто бываетъ въ жизни: бездѣлица, сущая бездѣлица, глядь, уничтожить важное предпріятіе.

ЛУШИНЪ (*за сценой*). Дома Николай Антонычъ?

СЛУГА (*отворяя двери*). Дома-съ, пожалуйста.

V.

ТѢ ЖЕ я ЛУШИНЪ.

ЛУШИНЪ. Дома Николай Антонычъ? принимаетъ? ха, ха, ха! что глаза-то выпучилъ? здорово, старый другъ! ну, обними меня! обними покрыве стараго товарища!..

ЩЕПЕНСКИЙ. Позвольте, милостивый государь... что за нѣжности? съ кѣмъ я имѣю честь?.. ба-ба-ба! что за притча? Вася, Василій Васильевичъ, ты ли? ахъ, старый дружище! не узналъ, право не узналъ! Э, братъ, да какъ ты перемѣнился.

ЛУШИНЪ. Что, постарѣлъ немножко? а ты думалъ въ деревнѣ не старѣются?!

ЩЕПЕНСКИЙ. Давно-ли въ Петербургъ? вѣдь мы съ тобой пятнадцать лѣтъ не видались; вотъ обрадовалъ такъ обрадовалъ. (*Обнимаются*).

ЛУШИНЪ. Сегодня только что пріѣхалъ изъ Саратова, выбриться не успѣлъ, прямо къ тебѣ. (*Тихо*). А это у тебя что за дама? а я-то за просто пріѣхалъ: въ такомъ случаѣ можно, того... поворотить олобл...

ЩЕПЕНСКИЙ. Помилуй, братецъ... что за глупости! взгляни хорошенько... ну, какая это дама; неужто ты забылъ мою Катю? помнишь, ты ее на рукахъ носилъ въ деревнѣ?..

ЛУШИНЪ. Сльзота! столбнякъ! не узналъ... Впрочемъ, и узнать

трудно... ведь я ее трехъ лѣтъ оставилъ... а теперь... (*Ей*): Позвольте засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе... весьма пріятно возобновить знакомство... Вы меня, конечно, не помните, да оно и невозможно... а я васъ вотъ какихъ зналъ-съ.

КАТИЕНА. Папенька часто говорилъ мнѣ объ васъ.

ЛУШИВЪ. Не мудрено, что говорилъ... мы съ папашей закадычные пріатели... Впрочемъ, если позволите, я рекомендую себя въ полной формѣ, и за тѣмъ, прошу со мной быть безъ церемоній: я Василій Васильевичъ Лушинъ, имѣю 50 лѣтъ отъ роду, номѣщикъ Саратовской губерніи, 246 душъ по послѣдней ревизіи, служилъ въ гусарахъ, въ отставку съ 1841 года, проживаю въ деревнѣ, а нынче пріѣхалъ въ Петербургъ по собственной надобности. Вотъ вамъ и вся біографія. (*Николаю Антоновичу*): Скажи пожалуйста, какъ у васъ тутъ: къ ручкѣ подходить, или прямо въ щечку?

ЩЕПЕНСКІЙ. Смотря по обстоятельствамъ... тебѣ можно и въ щечку.

ЛУШИВЪ (*ей*). Если не разсердитесь. (*Цѣлуетъ ее*). Чувствительно благодаренъ; а помнишь, Николай! бывало ни за что не хотѣла поцѣловать меня... ведь я васъ вотъ какихъ помню... Упрашиваешь бывало, и такъ-то, и этакъ-то: Катечка! милочка! позвольте разочикъ въ губки...—Подите! у васъ колючки на лицѣ... ха, ха, ха! больше ничего отъ нея не добьешься!

ЩЕПЕНСКІЙ. Что объ этомъ толковать! глупа была; за то теперь, могу похвастать, такая умница, что чудо! Это всегда такъ бываетъ въ жизни: черезъ-чуръ умные дѣти глупѣютъ съ лѣтами, а глупый ребенокъ подрастетъ, поумнѣетъ.

ЛУШИВЪ. Славно сказано! однако, того... знаешь ли, братецъ... у меня въ желудкѣ, какъ говоритъ мой сосѣдъ Копошенко, чертъ на скрипкѣ играетъ... нельзя-ли водочки... прикажи, братъ, подать графинчикъ очищенной или бальзаму... червячка заморить, я съ утра ничего не ѣлъ.

ЩЕПЕНСКІЙ. Сейчасъ все будетъ!.. Эй, Петрушка! подавай водки, да спроси тамъ, нѣтъ-ли чего-нибудь закусить.

СЛУГА (*уходитъ и вскорѣ является съ подносомъ*).

ЩЕПЕНСКІЙ. У насъ, любезнѣйшій, таковъ обычай: для милаго дружка и сережка изъ ушка; что въ печи, то на столѣ мечи... жаль вотъ—шампанен нѣтъ, а то мы бы съ тобой распили бутылочку; впрочемъ, ты ведь у насъ въ Петербургъ не одинъ день пробудешь... разопьемъ въ другой разъ.

ЛУШИНЫ (*пьетъ*). Ладно, ладно... я отъ этого не прочь... мы, братъ, тоже служили въ гусарахъ... Ай да, водка! сладка, да забориста.

ЩЕПЕНСКИЙ. Повтори, когда правится.

ЛУШИНЫ (*пьетъ; Катенька*). За ваше здоровье... дай Богъ вамъ жениха хорошаго! а ты, Николай, выдай поскорѣе дочь замужъ, да прѣзжай ко мнѣ въ деревню... ужъ я тебя попотчую... у меня есть вишневка... спасибо скажешь!..

ЩЕПЕНСКИЙ. Вотъ въ томъ-то и штука, что ее надо пристроить сперва... а это дѣло не легкое!..

ЛУШИНЫ. Ужъ будто и нѣтъ жениховъ? Быть не можетъ!

ЩЕПЕНСКИЙ. Есть одинъ вздыхатель... да въ женихи попасть не хочетъ... вотъ бѣда!

КАТЕНЬКА. Да... вообразите, Василій Васильичъ, какое несчастье! Панаша, душечка! попросите Василю Василича... онъ верно не откажетъ намъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Съ ума ты сошла... человекъ только что прѣхалъ, а ты ужъ ему и арканъ на шею.

ЛУШИНЫ. Что такое? чѣмъ я могу служить? напередъ даю слово.

КАТЕНЬКА. Вотъ видите, панаша, Василій Васильичъ согласенъ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Пустое, пустое! и не думай, я и просить не стану... вбила себѣ въ голову какую-то комедию, да и насъ стариковъ за фалды тянетъ; если хочешь, проси сама... Что, струсила? я напередъ знаю, что онъ никогда не согласится на эту штуку.

КАТЕНЬКА. Ну, посмотримъ... ступайте, распорядитесь на счетъ объѣда, а я между тѣмъ объясню Василю Василичу наше горе.

ЛУШИНЫ. Да, да, ужъ мы объяснимся, поди хлопочи по хозяйству.

ЩЕПЕНСКИЙ. Иду, иду... (*Уходитъ*).

VI.

ЛУШИНЫ и КАТЕНЬКА.

ЛУШИНЫ. Ну-съ, мы васъ слушаемъ; вразумите, въ чемъ я могу быть вамъ полезенъ?

КАТЕНЬКА. Дайте слово, что вы не откажете.

ЛУШИНЫ. Да я ужъ даль... помилуйте, назадъ не возьму, только скажите, а я душевно радъ помочь; вѣдь я васъ вотъ какихъ помню, и съ старикомъ мы давнишніе друзья.

КАТЕРЬКА. Василий Васильичъ! добрый, милый Василий Васильичъ! вы не сердитесь, что я васъ такъ называю?

ЛУШИНЪ. Напротивъ, очень пріятно; за что тутъ сердиться!

КАТЕРЬКА. Ну, такъ выслушайте же меня! сядемте вотъ здѣсь. *(Садятся на диванъ)*. Хотите быть моимъ женихомъ?

ЛУШИНЪ *(вскакивая въ величайшемъ смущеніи)*. Что вы, что вы, Катерина Николаевна, шутите, смѣетесь; вѣдь я васъ вотъ какихъ помню; нѣтъ! какъ это можно, подумайте, мнѣ ужъ пятьдесятъ стукнуло.

КАТЕРЬКА. Успокойтесь, садитесь. Это совсѣмъ не такъ страшно! Вы будете моимъ женихомъ только часа на два или на три, не болѣе.

ЛУШИНЪ. Часа на два или на три? А! Это другое дѣло, но зачѣмъ? хоть убейте, ничего не понимаю. Комедию вы что ли хотите представить?

КАТЕРЬКА. Ну да, комедию... Видите-ли: у меня женихъ, то-есть, не женихъ, а молодой человекъ, который меня любитъ и котораго я люблю; но онъ не рѣшается просить моей руки, все откладываетъ, такой характеръ нерѣшительный,—мы и придумали съ папашей приискать мнѣ мнимаго жениха.

ЛУШИНЪ. Да, чтобъ подбить того... знаю: знаю, вѣдь я служилъ въ гусарахъ... и вы надѣетесь на меня, плутовка?

КАТЕРЬКА. Не только надѣюсь, но увѣрена, что вы согласитесь, Василий Васильевичъ! отъ васъ зависитъ мое счастье... неужели вы не хотите, чтобъ я была счастлива?

ЛУШИНЪ. Хочу, очень хочу... да дѣло, видите ли, такое шпиковатое: въ мои лѣта пускаться на такія шутки не ловко, не хорошо! чего добраго, другіе узнаютъ—будутъ смѣяться!

КАТЕРЬКА. Василий Васильичъ! я васъ прошу пзъ дружбы къ папенькѣ, пзъ привязанности ко мнѣ, если вы хоть немножко меня любите.

ЛУШИНЪ. Какъ не любить? еще бы не любить такую хорошенькую... вѣдь я васъ вотъ какихъ помню; но судите сами, умница моя... нельзя: да я и взяться за это дѣло не съумѣю... вѣдь я женихомъ никогда не былъ.

КАТЕРЬКА. Я васъ научу—это не такъ трудно. Послушайте, мы будемъ сидѣть, какъ теперь, другъ подле друга, вотъ такъ—здѣсь на диванѣ... Вы будете мнѣ рассказывать что-нибудь, говорить любезности, это вамъ не трудно... вы такъ любезны... стоять только захотѣть...

ЛУШИВЪ. Разумьется, стоитъ захотѣть; все пойдетъ! мы не даромъ служили въ гусарахъ. А ручку цѣловать можно? не будете сердиться?

КАТЕНЬКА. Нисколько! это въ роли... Вы увидите, какъ у насъ все пойдетъ хорошо; скажите только, что вы согласны.

ЛУШИВЪ. Такъ и быть, извольте. Ужъ видно съ вамп нельзя поставить на своемъ. Экая шалунья! кокетка! (*Цѣлуетъ руку*). Глазенки-то, глазенки, такъ и бѣгаютъ! (*Про себя*) Да, чортъ возьми... еслибъ лѣтъ двадцать съ костей долой—шутка вышла бы другая.

КАТЕНЬКА. Ахъ, какой вы милый!

ЛУШИВЪ. Что за дьяволенокъ!

VII.

ТЪ ЖЕ И ЩЕПЕНСКІЙ.

ЩЕПЕНСКІЙ. Эхъ! да у васъ, кажется, дѣло идетъ какъ по писанному,—имѣю честь поздравить жениха и невесту, ха-ха-ха!.. Ну, обними же мня, Василій Васильчъ! нечего сказать, истинные друзья всегда узнаются въ бѣдѣ, а признаюсь тебѣ, я никакъ не думалъ, чтобъ ты согласился.

ЛУШИВЪ. Что съ ней будешь дѣлать?

ЩЕПЕНСКІЙ. Милости просимъ по мѣстамъ... Алексій Стенанычъ сейчасъ будетъ; я видѣлъ изъ окна, какъ онъ подъѣхалъ. Смотри же, Василій Васильевичъ: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ... не ударь лицомъ въ грязь.

ЛУШИВЪ. На счетъ этого будь покоенъ... я, братъ, служилъ въ гусарахъ... обрабатываю статью на-славу... посмотри, какъ вскипятимъ молодчика!

ЩЕПЕНСКІЙ. Прекрасно! а я буду здѣсь у дверей и явлюсь попозже... когда дѣло будетъ въ самомъ разгарѣ... Тише... кажется, звонять... (*Уходитъ*).

VIII.

ЛУШИВЪ, КАТЕНЬКА и потомъ ТОЛБИНЪ.

КАТЕНЬКА (*на диванѣ*). Начинайте, Василій Васильчъ: будьте нѣжны, страстны, разговорчивы,—словомъ, постарайтесь взбѣсить его, за остальное я ручаюсь.

ЛУШИВЪ. Взбѣшу непременно... онъ у меня напляшется, не беспокойтесь, я служилъ въ гусарахъ... позвольте вашу ручку, Катерина Николавна, для подкрѣпленія силъ не мѣшаетъ.

КАТЕНЬКА (*тихо*). Дверь открывается... вотъ онъ, бѣдняжка!

(Громко) Ахъ, Василій Васильичъ! какъ вы крѣпко жмете мнѣ руку. (Тихо Клушину) Скажите, что у меня хорошенькая ручка.

Лушинъ (также ей). Я и самъ это знаю; не нужно подсказывать... (Прямо) Премилая ручка! такъ бы вотъ все и цѣловаль... да, нечего сказать... перемѣнились вы, Катерина Николавна... давно ли, кажется, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я васъ зналъ ребенкомъ, а теперь, привѣзжаю и нахожу красавицу, восхитительную дѣвушку, умную, любезную, очаровательную.

Катенька. И прибавьте, что эта дѣвушка, которую вы такъ расхваливаете... ваша невеста.

Толбинъ. Его невеста? Что это значитъ? (Отходитъ въ сторону и прячется за занавѣску).

Лушинъ (тихо ей). Спрятался! (Громко). Да, да, именно нахожу невесту; экой я, право, счастливецъ, какъ подумаешь! И за что судьба меня такъ наградила, самъ не понимаю... чѣмъ я заслужилъ вашу привязанность? — я старикъ, безъ образованія, дуракъ, ну, могъ ли я думать, что вы согласитесь отдать мнѣ свою руку? А вышло иначе, сдѣлалъ предложеніе — и совершенно неожиданно получилъ согласіе.

Катенька. Потому-что папенька уже пять лѣтъ какъ далъ вамъ слово.

Щепескій (у дверей пальво). Пять лѣтъ какъ я далъ ему слово. Отлично!

Толбинъ. Пять лѣтъ! Боже мой! я не вѣрю ушамъ своимъ.

Лушинъ. Да, правда, мы съ нимъ давно порѣшили, но все-таки безъ вашего согласія ничего бы не вышло, и не скажите вы, мнѣ бы пришлось отчаливать съ носомъ и вернуться въ деревню.

Катенька. Можетъ быть; но почему же вы могли мнѣ не понравиться? Я люблю такихъ стариковъ, какъ вы; къ тому же вы вовсе не старикъ, прошу этого не думать.

Лушинъ. Неужели? и вы меня любите? въ самомъ дѣлѣ не шутя.

Катенька. Ахъ, Боже мой! какіе вы странные, Василій Васильичъ! отчего же вы не вѣрите? Вы добры, у васъ прекрасный характеръ, и я, конечно, буду съ вами счастлива. Не правда ли?

Лушинъ (все больше и больше оживляясь). О, что до этого, я вамъ за себя ручаюсь. (Цѣлуетъ ей руку). Чего бы вы ни захотѣли, все для васъ сдѣлаю, а ужъ какъ мы заживемъ съ

вами, другіе завидовать стануть; поѣдемъ въ деревню... я люблю деревню; а вы?

Катенька. Очень люблю!

Лушинъ. И прекрасно... Вы увидите, какъ у меня тамъ хорошо... домъ большой, барскій, старинный домъ, садъ богатѣйшій, хозяйство у меня устроено, какъ нельзя лучше... вездѣ порядокъ и на старинный ладъ, вишневка какая! тоже старая, все старое, какъ и самъ хозяинъ... Ну, право, вы не соскучитесь; люди все такіе добрые, ласковые и любить васъ будутъ, а я то, ужъ и говорить нечего! То-то будутъ удивляться, какъ мы съ вами прикатимъ въ деревню, сейчасъ все узнаютъ, что вотъ-дискать баринъ съ молодой женой пріѣхалъ и пойдутъ толки: «Что за хорошенькая! да какая пригожая! да гдѣ онъ старый хрычъ поддѣлъ такую красоточку? А мой сосѣдъ, Копошенко? ну, что съ нимъ будетъ, я и самъ не знаю... *(Цѣлуетъ ея руку)*. Душечка! прелесть моя! нельзя ли поскорѣе за свадьбу?»

Катенька. Надо переговорить съ папенькой.

Лушинъ. О, если за нимъ только дѣло, такъ свадьба будетъ скоро... А вы что на это скажете?

Катенька. Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше...

Лушинъ. Что за умница! ай да Василій Васильевичъ! въ сорочкѣ родился! и неужели вамъ не жаль будетъ уѣхать отсюда? оставить Петербургъ?

Катенька. Разумѣется, немпожко будетъ скучно, но что дѣлать? съ папенькой жаль будетъ разстаться.

Лушинъ. А кромѣ папеньки, скажите по совѣсти... есть еще другіе... напримѣръ, какъ его... Алексѣй Степанычъ... этотъ молодой человекъ, про котораго вы мнѣ говорили, признайтесь—вы къ нему были не равнодушны?

Катенька. Да, была! это правда! но это такое безхарактерное существо, что его и любить нельзя... Вообразите, онъ не могъ рѣшиться просить моей руки... почему? я сама не знаю... папенька къ нему очень расположенъ, мнѣ онъ тоже нравился: кажется, стоило только слово сказать, такъ нѣтъ же: онъ все свое твердилъ: не могу, рано, подождите... Вы пріѣхали, возобновили свое предложеніе и я согласилась. Посудите сами, ждать, все только ждать, что же наконецъ изъ этого выйдетъ? Онъ думаетъ, что я нуждаюсь въ его любви, что кромѣ его у меня не найдется жениховъ. Ошибаетесь, Алексѣй Степанычъ!

Лушинъ. А теперь вы ужъ его не любите? разлюбили? и хорошо сдѣлали! верченая голова! не стоитъ никакого вниманія.

Катенька. Я тоже думаю: и даю вамъ слово, что забуду его совершенно.

Лушинъ. Милочка моя! благодарю. (*Цѣлуетъ ея руку*). Благодарю за это обещаніе.

Толбинъ (*выходя*). А я благодарю васъ за постоянство, Катерина Николаевна!

Катенька (*вскрикиваетъ*). Ахъ, Алексѣй Степанычъ! (*про себя*): Теперь онъ объяснится! (*Убѣгаетъ*).

IX.

ЛУШИНЪ и ТОЛБИНЪ.

Лушинъ. Милостивый государь! мнѣ кажется, вы бы могли войти потише... Вы испугали Катерину Николаевну.

Толбинъ. А вамъ какое дѣло?

Лушинъ. Это неприлично! невѣжливо!

Толбинъ. Я не спрашиваю вашихъ совѣтовъ, милостивый государь! (*Быстро ходитъ взадъ и впередъ*) О, это ужасно! непростительно! и я! я самъ же виноватъ!

Лушинъ. Разумется, вы виноваты: вбѣжали въ комнату, какъ угорьлый... прошу васъ, быть поосторожнѣе въ другой разъ. Вы помѣшали нашему разговору; понимаете ли вы, милостивый государь?!

Толбинъ. А вы думаете, очень пріятно быть зрителемъ вашихъ нѣжностей, милостивый государь? Очень весело слушать ваши рассказы о деревенской жизни!

Лушинъ. Я вовсе не просилъ васъ присутствовать при нашемъ разговорѣ: вольно вамъ стоять за занавѣской и подслушивать.

Толбинъ. Вы забываетесь!

Лушинъ. Нѣтъ, вы забываетесь — прошу васъ, потише! я не трусливаго десятка: я, батюшка, служилъ въ гусарахъ... слышите ли, почтениыйшій.

Толбинъ. Что мнѣ за дѣло до того, гдѣ вы служили? А! вы хотите жениться на Катеринѣ Николаевнѣ, любезнѣйшій? будьте увѣрены, что я вамъ этого не позволю.

Лушинъ. Я не стану и просить вашего позволенія. Скажите пожалуйста! опекунъ вы, что-ли, сѣй! Кажется, у нея есть отецъ?

Толбинъ. Катерина Николаевна васъ не любитъ!

Лушинъ. Нѣтъ, извините, любить; а вамъ досадно, что она не хочетъ выйти за васъ? вотъ въ чемъ штука? прозвали, что дѣлать! а теперь поздно, я вамъ ее не уступлю: хоть волкомъ войте, а она будетъ моею.

Толбинъ. Не будетъ!..

Лушинъ. Будетъ!..

Толбинъ. Посмотримъ! я сейчасъ иду къ Николаю Антоновичу.

Лушинъ. И я съ вами. Увидимъ, чортъ возьми, кто кого переспорить!

Х.

ТЪ ЖЕ И ЩЕПЕНСКІЙ.

Щепенскій (*жметъ руку Василья Васильича*). А! Алексѣй Степанычъ! здоровы-ли вы? что у васъ тутъ за горячій разговоръ, господа? Вы знакомы?

Толбинъ. Немножко... только-что познакомились.

Щепенскій (*Лушину*). Что, каковъ молодой человекъ? не дурачъ?

Лушинъ (*въ волненіи ходитъ по сценѣ*). Нечего сказать, хорошъ! (*Про себя*). Грубіячъ! онъ въ-самомъ-дѣлѣ думаетъ жениться на Катенькѣ! мы еще посмотримъ!

Щепенскій (*Толбину*). Какъ вамъ нравится Василій Васильичъ? не правда-ли, славный человекъ?

Толбинъ. Прекрасный человекъ! (*Въ волненіи ходитъ по сценѣ*). Старый уродъ! онъ серьезно думаетъ поставить на своемъ... но я переговорю съ Катенькой, съ Николаемъ Антонычемъ, и женюсь, хоть онъ тресни!

Лушинъ (*останавливаясь*). Послушай, Николай, мнѣ нужно сказать тебѣ словечко.

Толбинъ (*тоже*). Я тоже долженъ объясниться съ вами, Николай Антонычъ.

Лушинъ. Вотъ въ чемъ дѣло...

Толбинъ. Позвольте, я сперва начну.

Лушинъ. Нѣтъ, я первый буду говорить.

Щепенскій. Позвольте, позвольте, господа! я тутъ ничего не разберу. (*Лушину*). Не мѣшай теперь, сдѣлай милость, дай ему говорить. (*Толбину*). Если вамъ угодно пойти ко мнѣ въ кабинетъ, я къ вашимъ услугамъ, Алексѣй Степанычъ.

Толбинъ. Да, да, пойдете... пойдете! я скажу вамъ все, что у меня на душѣ... Быть можетъ, уже поздно, но я долженъ объяснить.

ЩЕПЕНСКИЙ (отворяя дверь направо). Милости просимъ... (Про себя). Ну, пріятель! прыгай на удочку.

XI.

ЛУШИНЪ (одинъ. После минутнаго молчанія). Что я дѣлаю? что я говорю? Опомнись, образумься, Василій Васильчъ! какую ты горячку порешь?! вѣдь это была шутка! подумай! (указывая на дверь, изъ которой вышелъ Алексѣй Степанычъ): вотъ этотъ — этотъ настоящій женихъ, а ты что? неужели ты въ самомъ дѣлѣ говорилъ, какъ душа чувствовала? неужели ты... влюбленъ!! Стыдно, старикъ! посмотри на себя—тебѣ пятьдесятъ лѣтъ, и ты задумалъ жениться, не шутя, хотѣлъ сдѣлать предложеніе, сума я что ли сошелъ? голова кругомъ идетъ: глазки, ножки, ручки—такъ вотъ все и мелькаетъ предо мной! Довольно подурчился; полно! завтра же увду въ деревню... рѣшено, ѣду... (идетъ къ двери): Но надо же проститься; не ловко ухать, не сказавъ ни слова; да, еще разочкѣ поцѣлую эту маленькую руку, а тамъ валяй по всѣмъ безъ оглядки... Она идетъ сюда! Душка! прелесть моя!.. нѣтъ! не хочу увзжать, остаюсь!.. женюсь!.. что, въ самомъ дѣлѣ, въ шуты я имъ достался что ли?.. Смѣлѣй, Василій! Покажи себя!

XII.

ЛУШИНЪ и КАТЕНЬКА.

КАТЕНЬКА. Чудно! неподобно! все идетъ какъ нельзя лучше, какъ я рада, какъ я счастлива! въ эту минуту Алексѣй Степанычъ проситъ моей руки у панаша.

ЛУШИНЪ. Пусть его проситъ; мы ему откажемъ. Катерина Николавна, душечка! сдѣлайте мнѣ одолженіе, бросьте вы этого молокососа...

КАТЕНЬКА. Какъ бросить? я васъ не понимаю: отказать Алексѣю Степанычу? но объ чемъ же мы старались все время?—Ахъ, да! какъ я не догадыва, я и не замѣчаю, что вы все еще продолжаете роль жениха.

ЛУШИНЪ. Нѣтъ, не продолжаю, а только начинаю входить въ нее... послушайте, Катерина Николавна! ну, что вамъ въ этой мокрой курицѣ? Чѣмъ онъ могъ вамъ понравится? что въ немъ хорошаго? Послушайте моего совѣта: не выходите за него, откажите ему... ну, я понимаю, вамъ хочется выйти замужъ... такъ чтожь? если за этимъ дѣло, многіе найдутся, люди солид-

ные, положительные... не дальше, какъ я самъ... я... я—на васъ женюсь, право!

КАТЕНЬКА. Вы?.. вы, Василий Васильчъ?..

ЛУШИЦЪ. Да, я... что тутъ удивительнаго... въ мои лѣта странно немножко; но, право, я самъ не знаю, что со мною сдѣлалось, что вы изъ меня сдѣлали въ этотъ часъ какой-нибудь... служилъ я въ гусарахъ, былъ молодъ, ухаживалъ... но такой чертовщины никогда не испытывалъ...

КАТЕНЬКА. Боже мой! могла ли я думать?

ЛУШИЦЪ. Да, да; вы думали: онъ старикъ, у него сердце камень, а вышло не такъ... словомъ, я влюбленъ... смѣйтесь... влюбленъ, какъ юноша, жить безъ васъ не могу... Катерина Николаевна! Катечка! не губи ты меня... брось молодаго,—ему что? онъ утѣшится, а я пропаду, грѣшно тебѣ будетъ!

КАТЕНЬКА. Василий Васильчъ? будьте благоразумны, посудите сами, вѣдь мнѣ всего восемнадцать лѣтъ.

ЛУШИЦЪ (*живо*). А мнѣ сорокъ девять! разумеется, старъ немножко, да что лѣта? пустое! Ты теперь не смотри на меня, совсѣмъ не смотри... я не брился, десятью годами старше кажусь, а выбрюсь, причешусь, приѣдвнусь,—право, еще молодецъ молодцомъ! За то ужъ какъ я буду любить тебя! — Онъ молодъ... у него вѣтеръ въ головѣ ходитъ; черезъ мѣсяцъ сама жалеть будешь, что вышла за него,—помяни мое слово!..

КАТЕНЬКА. Василий Васильчъ! простите меня, не сердитесь на меня, ради Бога!.. я не виновата передъ вами... еслибъ я могла предвидѣть, что вы серьезно меня полюбите,—я не стала бы просить васъ... Согласитесь, могу ли я принять ваше предложеніе... я дала слово, я люблю Алексея Степаныча...

ЛУШИЦЪ. Все это такъ, воображеніе, и больше ничего, да и онъ тебя не любитъ... Это что за любовь?

КАТЕНЬКА. Я знаю, въ эту минуту вамъ кажется, что никто не можетъ любить меня больше васъ... теперь вы дѣйствительно говорите, какъ чувствуете: можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ вамъ нравлюсь; но это минутное увлеченіе, Василий Васильчъ! Увидѣли свѣженькое личико, поцѣловали ручку, которая несовсѣмъ дурна... вотъ и любовь! А выспитесь—и все пройдетъ. Василий Васильчъ! дайте мнѣ слово, что вы все это забудете? Вы не захотите отравить мое счастье? не правда ли?

ЛУШИЦЪ. Не проси меня, Катя! лучше смѣйся надо мною, легче будетъ! И въ самомъ дѣлѣ, какъ сообразить хорошенько-

глупо! смѣшно! инвалидъ влюбился! старикъ влюбился! И чего онъ дурачится? шутя попалъ въ женихи на одинъ часъ, съ тѣмъ только, чтобъ подбить другаго — и самъ попался, болванъ! *(Со слезами)* Дуракъ я! набитый дуракъ!

ЩЕПЕНСКИЙ *(За сценой)*. Катя, Катенька!

КАТЕНЬКА. Иду, иду, папаша. Вы слышите, меня зовутъ... перестаньте, Василій Васильевичъ... поздравьте меня, я невѣста! и вы помогли составить мое счастье!

ЛУШИНЪ *(беретъ ее за руку)*. Да, я. Я самъ наложилъ на себя руки; но я не отдамъ тебя никому, ни за что не отдамъ!

КАТЕНЬКА. Опомнитесь! что вы дѣлаете? пустите меня!

ЛУШИНЪ. Да, ты права... ступай, ступай, я не держу тебя, будь счастлива.

XIII.

ТЪ ЖЕ, ЩЕПЕНСКИЙ и ТОЛБИНЪ.

ЩЕПЕНСКИЙ. Что же ты не шла? Онъ насилу объяснился; онъ, наконецъ, рѣшился, и проситъ твоей руки...

ТОЛБИНЪ. Да, Катерина Николавна...

ЩЕПЕНСКИЙ. Позвольте, ваша рѣчь впередъ... я знаю, что вы давно любите другъ друга, и потому согласился: теперь прошу васъ сказать мнѣ, Катерина Николавна, какого вы мнѣнія объ Алексѣ Стенанычѣ!..

КАТЕНЬКА *(бросаясь къ нему на шею)*. Папаша! добрый папаша!

ЩЕПЕНСКИЙ. Что, не бось рада, плутовка, что поставила на своемъ?..

ТОЛБИНЪ. Ваша шутка меня проучила, Катерина Николавна! теперь я понимаю, что счастье надо ловить на лету!... *(подходя къ Василію Васильевичу)*: я не знаю, какъ благодарить васъ, Василій Васильичъ.

ЛУШИНЪ *(угрюмо и холодно)*: Не стоитъ благодарности...

ЩЕПЕНСКИЙ *(жметъ Василію Васильевичу руку)*. Добрый Василій Васильичъ! вотъ ужъ истинный другъ! и вѣдь какъ странно! какая удивительная случайность! Мы съ Катей придумали планъ... все прекрасно, вдругъ я говорю: ахъ, чортъ возьми! вѣдь жениха-то у насъ нѣтъ. Кого бы? въ ту самую минуту дверь открывается и мой Василій влетаетъ, какъ снѣгъ на голову! мы его и произвели, ха, ха, ха!

ЛУШИНЪ. Да, произвели! спасибо... превеселая комедія... радуй-

тесъ, смѣйтесь—и я съ вами посмѣюсь—очень, очень забавно!
(*смѣется сквозь слезы*).

Щепенскій. Что ты за чепуху городишь? пойдемъ лучше выпьемъ водочки (*смотритъ на часы*) пятый часъ, пора за столъ садиться.

Лушинъ. Благодаримъ покорно... я по-горло сытъ! вотъ какъ сытъ! дохнуть не могу!—я вамъ не товарищъ.

Щепенскій. Какъ не товарищъ?

Лушинъ. Дѣло есть... снѣжное... завтра ѣду.

Щепенскій. Ъдешь? быть не можетъ! что съ тобой, Василий? собирался у насъ погостить, и ужъ на другой день хочешь вхвать? Развѣ жизнь петербургская тебѣ не нравится?

Лушинъ. (*глядя на Катю*). Она-то мнѣ нравится, да я ей не нравлюсь... старъ больно!

Щепенскій. Бредишь, любезнѣйшій! полно, полно! останься обѣдать съ нами, но-крайней-мѣрь... Выпьемъ за здоровье жениха и невесты, а тамъ, пожалуй, я тебя держать не стану.

Лушинъ. Сытъ и пьянъ! ничего не хочу! прощай, Николай!

Щепенскій. Что съ нимъ дѣлать? упрямя, какъ лошадь! (*обнимаются*).

Лушинъ. Прощайте, Катерина Николавна! дайте ручку... вотъ такъ... въ послѣдній разъ. (*Цѣлуетъ руку, тихо ей*). Будьте счастливы и не поминайте меня лихомъ... бываютъ такіе случаи!.. сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро: не смѣйтесь надо мною. (*громко*). Ну, прощайте, прощайте, друзья мои... безъ нежностей... а то, чего добраго, прослезвмся—стыдно будетъ, вѣдь я служилъ въ гусарахъ... а ты, Николай, прѣзжай ко мнѣ въ деревню, или напиши словечко, расскажи, когда была свадьба, какъ живутъ молодые... я порадоюсь вашему счастью!.. (*въ сторону*), грѣхъ меня (*идетъ къ дверямъ*) попуталъ,—Богъ поможетъ: авось образумлюсь!!.

Щепенскій. Она сама тебѣ напишетъ; прощай, Василий! Саратовскимъ мой поклонъ... (*возвращается*). Странный человекъ! что съ нимъ сдѣлалось? прѣхалъ, попалъ въ женихи для смѣху и убѣжалъ! А хлопотъ-то сколько было! ай-да женихи, курамъ на смѣхъ! этотъ на силу рѣшился, а поддѣльный—съ ума спятилъ, оба съ норовомъ! Впрочемъ, я вообще замѣтилъ въ жизни...

Катенька (*перебивая его*). Пойдемте обѣдать, панаша... Эту сен-тенцію вы сообщите намъ въ другой разъ!

9914

18186.